

ГОМІДІВ СДОБЕЕІРЬ

Максим Орлов

Время

Песок

Максим Орлов
Время — Песок

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Время — Песок / М. В. Орлов — «Автор», 2026

2096 год. Граница России и Украины превратилась в аномальную Зону «Осыпь». В 2050-х резонансное оружие разрушило молекулярную сцепку времени: прошлое крошится, будущее сжигает энтропией. Майор Северов ведет отряд корпуса «Буфер» за украденными архивами. Его тело гниет заживо, но двойная доза стимулятора держит сознание ясным. С ним — инженер Егор Ростов. Ему пятьдесят пять, он выглядит на семьдесят из-за лучевой болезни. Он ищет способ вернуть дочь, спрятав контейнер с органами глубоко под землей. Их проводник — Леся Кречетова. Ее импланты сгорели от резонанса, а слух воспринимает мир как оглушительный шум. Она идет в ад добровольно, чтобы найти идеальную тишину. Путь лежит через руины Харькова. Впереди — логово Плотника, древнего существа из черного опала, питающегося жизненной силой тысяч людей. Чтобы добыть данные о секретном коллайдере, команде предстоит пройти сквозь армию наемников Внешнего Корпуса полковника Вайса и спуститься к самому Ядру Ослипи.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Синхронизация	5
Глава 1. Сухой узел	12
Глава 2. Бюрократия пустоты	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Максим Орлов

Время — Песок

Пролог. Синхронизация

Харьков, 2054 год. Объект «Кристалл-12». Координационный центр ПВО Юго-Восточного сектора.

Удар пришелся не по земле — он прошел сквозь нее.

В две тысячи пятьдесят четвертом году генералы еще верили в концепцию ограниченного применения резонансного оружия. Они называли это «точечной зачисткой кристаллической решетки», но физика оказалась сложнее штабных карт. Когда над Харьковом сработал боевой генератор на частоте кварца, пространство не выгнулось дугой и не свернулось в точку. Оно просто лопнуло изнутри, как перегретая лампочка накаливания.

Взрывная волна несла не огонь. Температура в эпицентре поднялась всего на три градуса Цельсия. Вместо пламени ветер гнал острые, как бритва, осколки застывшего времени. Это были срезы реальности толщиной в микрон, отслоившиеся от основного потока истории.

Для Леси Кречетовой этот день начинался с запаха озона и жженой меди. Она сидела в кресле нейролингвистического оператора, глубоко утопив затылок в гнезде интерфейса. Тонкие иглы нейроконнекторов впились в кожу под волосами, транслируя алгоритмы перевода прямо в слуховую кору. Ее задача была предельно утилитарной: фильтровать шум армейских каналов связи, отделяя панику рядовых от сухих приказов командования.

Когда ударило оружие, она не услышала взрыва. Она почувствовала его зубами.

Резонанс вошел в здание через фундамент. Бетонный каркас бывшего НИИ протяжно, на басовой ноте, загудел. Частота вибрации совпала с естественным колебанием кальцита в костях черепа. У Леси мгновенно заложило уши, а перед глазами поплыли багровые круги. Интерфейс взвыл аварийным зуммером, пытаясь отсечь сигнал, который мозг воспринимал уже не как звук, а как физическую травму.

— Разгерметизация! — прохрипел голос старшего смены из динамиков под потолком.
— Заккрыть бронешлюзы!

Но шлюзы не понадобилось.

Осколки времени прошли двенадцать этажей армированного бетона так же легко, как раскаленная спица проходит сквозь масло. Первый срез вонзился в стену в метре от головы Леси. Там, где прошла эта невидимая кромка, краска, сталь и пластиковая обшивка осыпались вниз не пеплом, а тончайшей серебристой пылью.

Второй срез прошел наискось через пульт управления. Половина монитора вместе со столом просто исчезла. На срезе мелькнули разноцветные дорожки микросхем, идеально ровные, словно отполированные ювелиром, и тут же рассыпались в труху. Воздух наполнился запахом стерильного морга и горячего пластика.

Леся сорвала контакты с висков. Боль отступила, сменившись глухим звоном. Она вскочила, цепляясь ногами за кабели, змеящиеся по полу. В операторской царил хаос, но странный, замедленный. Люди кричали, однако их голоса тонули в нарастающем низком гуле.

Старший смены стоял у главного обзорного окна. Его тело ниже пояса осталось на месте, а верхняя половина туловища медленно, рывками, оседала на пол. Среза не было видно глазом, но он существовал — горизонтальная плоскость абсолютного покоя, прошедшая через зал на уровне груди сотрудников. Кровь не хлестала фонтанами. Вязкая, почти черная в красном свете аварийных ламп жидкость выдавливалась из сосудов тягучими каплями, зависая в воздухе дольше, чем позволяла гравитация.

Леся закричала, но звука не вышло. Горло свело спазмом. Она видела, как падает начальник отдела снабжения — его рука все еще сжимала кружку с эмблемой Роскосмоса. Кружка коснулась незримой границы среза и распалась на две идеальные фарфоровые полусферы. Содержимое — густой черный кофе — вывалилось наружу цельным студенистым цилиндром, который секунду держал форму, а затем превратился в горсть коричневого песка.

Здание начало складываться. Резонансное поле разрушало молекулярные связи неравномерно. Потолок просел. Одна из массивных ферм перекрытия вошла в зону хронопольа под углом. Та часть двутавровой балки, что пересекла границу аномалии, потеряла структурную целостность. Тяжелый металл переломился с сухим треском, напоминающим ломающиеся ветки. Многотонная конструкция рухнула вниз, давя операторов, которые даже не успели осознать смерть.

Леся бросилась к двери. Коридор за ней выглядел как иллюстрация из учебника патологии. Стены покрывала сетка трещин, заполненных черной пылью. Пол шел под уклон — одна сторона коридора состарилась на несколько наносекунд быстрее другой, создав отрицательный угол наклона.

Она бежала, перепрыгивая через завалы. Из-за поворота вырвался поток тех самых бритвенных осколков. Они летели стаями, вращаясь вокруг своей оси. Для обычного зрения это был просто шквал пыли, царапающий глаза. Но импланты Леси, работавшие на прием, перевели эту визуальную кашу в звуковой диапазон.

Она *услышала* время. Это был скрежет миллиардов шестеренок, трущихся без смазки. Это был визг тормозных колодок локомотива, помноженный на хруст раздавленного стекла. Осколки времени резонировали друг с другом, создавая инфразвуковую волну такой плотности, что воздух стал твердым.

Первый осколок полоснул ее по левому плечу. Защитный комбинезон из арамида не порвался — он истлел. Нитки, удерживающие швы, превратились в прах за долю секунды до того, как ткань коснулась кожи. Леся почувствовала ледяной ожог. Кожа на плече и части лица онемела, став похожей на старый пергамент. Она врезалась в дверь эвакуационного лифта, чувствуя, как мышцы реагируют на команду мозга с задержкой в полсекунды — нервные импульсы взяли в искаженном пространстве.

Дверь отъехала в сторону с омерзительным чавканьем гидравлики, в которой вместо масла пузырилась чья-то кровь. Кабина была пуста. Леся ударила ладонью по сенсорной панели. «Внимание. Хронологический дрейф шахты. Зафиксирован разрыв временной петли. Обслуживание невозможно». Надпись мерцала красным. Цифры этажей на табло дергались, перескакивая с первого на минус пятый, потом на сорок второй, которого не существовало в природе.

Сверху послышался гул. Не рев обвала, а нечто более страшное. Звук падения капель воды, которая падала снизу вверх.

Леся посмотрела на потолок кабины. Штукатурка там набухла темными пузырями. Вода конденсировалась из воздуха, собираясь в идеальные сферы, но они не падали на голову. Под воздействием остаточного резонанса гравитация внутри лифта инвертировалась локально. Капли медленно, оставляя за собой прозрачные нити, поднимались к потолку, чтобы разбиться о него и стечь обратно на пол уже обычным дождем.

Леся села на пол, подтянув колени к груди. Зубы выбивали дробь не от страха — от вибрации. Весь мир теперь состоял из этого дрожания. Фундамент здания больше не касался земли в привычном понимании. Он вибрировал на частоте, разрушающей бетон.

Сквозь щели в дверях лифта проник свет. Но это был не дневной свет улицы. Это было тусклое, мертвенно-зеленое сияние, исходящее от самого воздуха. Пространство снаружи начало густеть. Время превращалось в физический объект — в ту самую субстанцию, которую ученые позже назовут «черным медом» или «хрустальным песком».

Леся закрыла глаза руками. Сквозь пальцы она видела вспышки собственных капилляров — красные узоры на зеленом фоне. Имплантированный чип в мозгу, предназначенный для обработки речи, захлебывался. Он пытался перевести структуру распадающегося мира в понятные человеку слова, но лексикон языка не предусматривал терминов для описания смерти пространства.

Чип начал плавиться. Нейроны вспыхивали один за другим, выжигая синаптические связи. Леся закричала снова, на этот раз в полный голос. Звук получился рваным, хриплым.

И тогда реальность нанесла последний удар. Гул оборвался. Наступила та самая противоестественная тишина, которой боятся даже глухие. Вакуум абсолютного нуля. Исчез шум ветра, исчез скрежет металла, исчезли крики заживо погребенных людей этажами выше.

Воздух стал стеклянным.

Леся открыла глаза. Прямо перед ее лицом, в десяти сантиметрах от носа, висел осколок времени размером с обеденную тарелку. Он был абсолютно прозрачен, если смотреть в центр, но края его переливались всеми цветами побежалости, как нефтяное пятно на воде. Внутри этой плоскости город продолжал жить. Леся видела фрагментированную проекцию: вот едет автомобиль (колеса крутятся назад), вот идет женщина (ее волосы развеваются вверх), вот плачет ребенок (слеза течет от подбородка к глазу).

Осколок медленно поворачивался вокруг своей оси. Проекция города начала крошиться. Дома осыпались не вниз, а внутрь самих себя, превращаясь в аккуратные кубики серого песка.

Леся поняла, что сейчас этот кусок чужого мгновения упадет на нее. И когда он соприкоснется с ее телом, она перестанет существовать как единый организм. Она просто высыплется на пол лифта двумястами килограммами чистого, химически инертного кальция и железа, сохранив при этом идеальное выражение ужаса на лице.

Она зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли белые пятна. Вжалась спиной в угол кабины, стараясь стать меньше. Меньше атома. Меньше ошибки в расчетах.

А потом лифт со скрежетом рухнул в шахту.

Девятнадцать часов спустя. Руины северной промзоны.

Егор Ростов выплюнул на ладонь зуб.

Коренной, нижний моляр. Эмаль сохранила белый цвет, но структура изменилась — внутри зуба пульсировала тонкая алая жилка, наполненная застывшей кровью. Егор посмотрел на свои руки. Кожа на костяшках пальцев стала полупрозрачной. Если присмотреться, можно было разглядеть ход сухожилий, которые двигались слишком плавно, преодолевая сопротивление загустевшего времени в суставной сумке.

Рядом тяжело дышал Северов. Майор сидел на перевернутом остове дизель-генератора, одной рукой зажимая рваную рану на бедре. Его камуфляж пропитался кровью, но кровотечение давно остановилось само по себе. Плоть вокруг раны почернела и высохла, превратившись в глянцевою древесину.

— Чистый хроносепт, — просипел Северов, кивнув на свою ногу. — Хорошо зацепило. Еще бы пара минут в том кармашке, и я бы рассыпался. Спасибо твоему проводнику, инженер. Вывел нас ровно за секунду до схлопывания.

Егор ничего не ответил. Он смотрел на запад. Там, где раньше был проспект Гагарина, теперь возвышалась стена. Она уходила в стратосферу, теряясь в низких свинцовых облаках. Стена не имела текстуры. Она поглощала свет, делая тени за спинами выживших непроглядно черными. Граница Ослипи.

За последние девятнадцать часов она продвинулась вглубь материка еще на тридцать километров. Раковая опухоль времени росла строго по графику.

— Сколько у нас батарей? — спросил Егор, засовывая выпавший зуб в нагрудный карман разгрузки рядом с контейнером для образцов.

— Две полных, — отозвался майор. — Этого хватит, чтобы запитать твой бур и пройти периметр старого ДК. Дальше пойдем на мускульной тяге.

— Я найду органы, — глухо сказал Егор. — Мне нужна печень. Моя гниет от излучения. Без трансплантации я схохну через неделю.

Северов усмехнулся. Выглядело это жутко: кожа на его лице потрескалась вдоль мимических морщин, и в трещинах заблестела графитовая пыль. — Ты мне карту отдал, инженер. Взамен получишь свой ливер. Все честно. А девка твоя... — майор покосился на Лесю, которая стояла на коленях посреди площади, методично вычищая запекшуюся кровь из ушей. — Девка нам проходы чувствует. Жива будет. Пока полезна.

Леся подняла голову. Ее зрачки были разного размера — правый расширен до предела, левый сужен в точку. Она смотрела на стену Ослипи, но видела не камень и не вакуум. Она видела давление. Миллиарды тонн нерожденных секунд давили на остатки Харькова, стремясь перемолоть их в первородную пыль.

Она пошевелила пальцами левой руки. Суставы отозвались тихим хрустом, похожим на звук ломающегося мелкого сахара.

Тишина ушла. Белый шум пустоты вернулся, заполняя руины монотонным гулом триллионов сталкивающихся молекул. Леся плотнее прижала ладони к шлему, пытаясь задавить этот звук внутри собственной черепной коробки.

Впереди, в провале разбитой витрины магазина электроники, что-то шевельнулось. Сначала показалось, что это просто осыпается штукатурка. Но движение было ритмичным.

Из темноты выдвинулся торс. Кости грудной клетки прорвали пергаментную кожу и теперь торчали наружу, образуя примитивный экзоскелет. Существо сделало шаг вперед. Механика движения была нарушена: правая нога сгибалась в колене назад, как у кузнечика.

Шестеренчик.

Он повернул лицо в сторону группы. Глаз не было — только два черных провала, затянутых паутиной ржавых нитей. Маска противогаза приросла к лицу намертво, шланги уходили куда-то под остатки воротника. Монстр издал низкий утробный звук — не рычание, а скрип несмазанного механизма.

Его мышечная память работала лучше инстинктов. Он узнал силуэт человека. И он знал, что люди состоят из запчастей.

Северов медленно, стараясь не делать резких движений, поднял автомат. Патрон калибра 7.62 вошел в патронник с мягким щелчком, который показался в наступившей тишине оглушительным выстрелом.

Шестеренчик замер. Его голова, лишенная глаз, повернулась на скрипнувшей шее точно по направлению ствола. Существо не обладало слухом в человеческом понимании — оно ориентировалось по вибрации почвы и микровзвездам пыли в воздухе, но лязг затвора стал для него физическим маркером угрозы.

— Не стреляй, майор, — хрипло бросил Егор, делая полшага вперед и вправо, перекрывая сектор обстрела. — Если попадешь в баллон за спиной, нас всех ошметками до периметра донесет.

Егор двигался плавно, перенося вес с пятки на носок. В Ослипи нельзя было бегать — ритмичная вибрация шагов притягивала Костяниц лучше любого магнита. Он выставил руки перед собой ладонями вверх. Универсальный жест пустых рук, принятый у контрабандистов еще со времен первых вылазок в Сумскую зону.

Шестеренчик издал скрежещущий вздох. Из клапанов его приросшего противогаза вырвалось облачко пара, мгновенно кристаллизующееся в ледяной туман. Механизм внутри грудной клетки существа пришел в движение. Это звучало как работа старинных напольных часов: тяжелый, размеренный «тик-так», от которого крошился бетон под ногами.

Существо подняло правую руку. Вместо кисти из рукава торчал набор хирургических зажимов из черной стали, переплетенных кабелями Эхо-крови. Инстинкт обслуживания механизмов требовал разобрать препятствие на детали.

— Уголь! Прикрой спину, — скомандовал Северов, не опуская оружия. — Баян, следи за окнами. Леся, резонанс?

Леся Кречетова стояла неподвижно, запрокинув голову. Ее имплантированный мозг работал на пределе мощности, фильтруя белый шум пустоты. Она чувствовала Шестереночника не как живое существо, а как дыру в структуре времени. Там, где стоял монстр, энтропия текла быстрее. Воздух вокруг него был старым, выдохшимся, пахнущим озоном и сухим горением. — Пульсирует, — глухо ответила она через динамики шлема. — Частота синхронизируется с вашим оружием, майор. Не провоцируйте его. У него темп стрельбы сорок выстрелов в минуту. Ровно столько же, сколько ударов сердца бьется от страха.

Шестереночник сделал шаг. Его нога-ходуля опустилась на плитку площади. Покрытие треснуло, но осколки не разлетелись — они повисли в воздухе мелкой взвесью, продолжая дробиться сами в себе, превращаясь в серую пудру.

Егор уловил этот момент искажения гравитации. Плотность времени здесь падала почти до нуля. Одно резкое слово, один удар приклада о землю — и локальная буря разорвет их легкие изнутри.

— Тихо, братишка, — неожиданно мягко сказал Ростов, обращаясь к монстру. Голос инженера звучал ровно, без дрожи. — Мы свои. Тридцать вторая бригада. Капитальный ремонт шестой котельной. Ты меня помнишь? Мы тебе фильтры на маску ставили в марте. До удара.

Существо издало звук ломающегося пенопласта. Мышечная память бывших операторов тяжелой техники была сильна, но сознание давно выгорело. Монстр не понимал слов, он считывал только частотный спектр. Голос Егора совпал с фоновой частотой старого заводского гудка, который Шестереночники использовали как метроном во время своих бессмысленных танцев вокруг ржавых остовов.

Монстр качнулся. Зажимы на руке дрогнули и втянулись обратно в рукав. Приоритет ремонта временно перевесил базовый инстинкт хищника. Он развернул свой слепой корпус в сторону разбитой витрины магазина, словно потеряв интерес к людям.

— Пронесло — выдохнул капитан Ланской, стирая пот со лба. Руки связиста заметно тряслись. — Еще бы секунда такой плотности, и мой кардиостимулятор превратился бы в песок.

— Не пронесло, — оборвал его Северов. Он наконец опустил автомат, перехватив цефь левой рукой. Правая сторона его тела ниже ребер выглядела пугающе неподвижной. — Мы стоим посреди открытой площади. Хронолиты уже проснулись. Видите тени?

Егор проследил за взглядом майора. На стенах разрушенного ДК культуры действительно плясали густые, жирные тени, хотя солнце скрывалось за свинцовой стеной Осипи. Сами тени были неправильными — они вытягивались вертикально вверх, вопреки законам физики, и там, на высоте третьего этажа, сливались в единую пульсирующую массу.

Хронолиты. Люди, пропустившие через себя слишком много мертвых секунд. Они стояли на карнизах зданий абсолютно неподвижно. Их кожа стала похожа на матовое черное стекло, сквозь которое проступали контуры костей.

Один из них, стоявший прямо над входом в ДК, медленно наклонил голову. Движение заняло около трех секунд реального времени, но человеческий мозг воспринимал это как пытку. Казалось, сама реальность сопротивлялась этому акту, заставляя молекулы воздуха застывать.

— Всем молчать, — прошептал Северов. — Баян, готовь ампулу. Сейчас начнется высывание.

Хронолит открыл рот. Разреза на коже не было — нижняя челюсть просто отвалилась вниз, обнажая сплошной ряд черных зубов, растущих в несколько слоев. Внутри черепа создания не было ничего, кроме клубящейся темноты.

Он начал вдыхать.

Это не был звук ветра. Это было полное отсутствие звука. Белый шум пустоты, давивший на уши секунду назад, исчез так резко, что барабанные перепонки болезненно выгнулись наружу. Воздух стал плотным, тяжелым, им невозможно было дышать — кислород просто отсутствовал в зоне всасывания.

Тени на стене рванули вниз. Черные струи мрака отделились от карниза и устремились к группе людей. Они не касались земли, проходя сквозь асфальт, как вода сквозь сито.

Первым среагировал старшина Грицук. — Держать строй! — рявкнул медик, падая на одно колено. Его движения, несмотря на общую нервозность отряда, оставались точными и экономичными. Опыт ветеринара, привыкшего иметь дело с крупным рогатым скотом в панике, сейчас спасал ему жизнь.

Грицук сорвал с пояса свинцовый контейнер. Та самая мертвая черепаха, которая служила ему детектором аномалий. Он швырнул ее прямо в центр надвигающейся тени.

Черепаха пролетела два метра и врезалась в поток тьмы. В ту же секунду рептилия превратилась в пыль. Но цель была достигнута. Хронолит отреагировал на вспышку абсолютного холода, исходящую от окаменевшего трупа. Поток теней отклонился, обходя место падения животного, и ударил в фасад аптеки слева от группы.

Кирпичная кладка здания вскипела. Песок, из которого состояли кирпичи, начал стремительно терять кинетическую энергию. Сначала осыпалась штукатурка, затем камни начали сжиматься, уменьшаясь в размерах. За три секунды двухэтажное строение просело на этаж, превратившись в груду щебня вперемешку с черной пылью.

— Бегом! К подвальному окну! — взревел Северов, толкая Леся в плечо. — Пока он жрет здание!

Отряд пришел в движение. Это больше не был марш-бросок. Это было перемещение вязкой жидкости. Каждый шаг отдавался болью в суставах — мышцы преодолевали сопротивление загустевшего времени. Егор бежал замыкающим. Он видел, как второй Хронолит на противоположной стороне улицы повторяет маневр первого. Его грудная клетка раскрылась, как бутон сухой лилии, обнажая ряды черных ребер. Он целил в них.

Егор сунул руку в набедренную кобуру. Не за пистолетом. За куском янтаря на медной проволоке — своим маятником. Камень тускло светился багровым. Плотность времени впереди зашкаливала. Если они врежутся в зону нулевой гравитации старости на такой скорости, их позвоночники сложаются внутрь.

— Резонанс! — крикнул он Лесе, которая споткнулась о бордюр, едва не упав. — Пятнадцать метров левее! Старые теплосети!

Леся не обернулась. Она вскинула левую руку, сжатую в кулак, оставив указательный палец. Живая антенна. Она физически ощущала, как Ржавые нити под асфальтом реагируют на вибрацию их шагов. Металл пел, передавая импульс по костям. — Чисто! — прохрипела она. — Подвал старый, бомбоубежище. Там свинец в стенах. Поглотит дыхание!

Северов первым достиг чугунной решетки канализации. Майор не стал тратить время на замок — он просто вбил приклад автомата в стык между прутьями. Металл протестующе взвыл, отзываясь фантомной болью в зубах всей группы, но выдержал.

— Отходим к распределительному узлу планом «Б»! — пропыхтел Северов, налегая всем весом. — Через подземку. Эта тварь сожрет квартал раньше, чем мы добежим до бронедверей.

Егор подбежал к окну последним. Он прыгнул вниз, в сырую темноту коллектора, группируясь в воздухе. Приземление вышло жестким. Вода внизу промерзла до состояния желтого льда, покрытого сетью трещин.

Вокруг воняло озоном, канализацией и сладковатой гнилью прелых яблок. Классический запах Ослипи. Смесь распадающейся органики и искрящей меди временных петель.

Они оказались в широком тоннеле. По стенам тянулись трубы, покрытые толстым слоем изоляции, которая местами пузырилась и слезала клочьями, похожими на старую кожу. Здесь царил полумрак — фосфоресцирующий мох, росший на конденсате, давал достаточно света, чтобы разглядеть очертания друг друга.

— Все целы? — Северов привалился к стене, тяжело опираясь на автомат. Его лицо приобрело серый оттенок. Яд хронопространства проникал даже сквозь фильтры респиратора, вызывая микроинсульты. — Баян, дозу мне. И проверь девку. Она бледная.

Старшина метнулся к Лесе. Девушка сидела на корточках, прислонив затылок к холодной трубе. Ее зрачки теперь были одинаковыми — огромными, полностью поглотившими радужку. Она дышала часто и поверхностно. — Легкие чистые, — доложил Грицук, оттягивая веко Леси пальцем в грязной перчатке. — Но шок сенсорный. Перегруз чипа. Эй, биолог, смотри на меня! Сколько пальцев?

Леся перевела на него невидящий взгляд. Губы ее посинели. — Три, — механически ответила она. — Или четыре. Звук ушел. Совсем. Только давление. Как на дне океана.

— Это хорошо, — вдруг усмехнулся Северов, вкалывая себе в бедро желтый раствор из аптечки. Экстракт угольного жара начал действовать — кожа майора под комбинезоном пошла темными пятнами, поглощая радиацию. — Значит, этих каменных ублюдков она пока не слышит. А они уже спускаются.

Майор кивнул головой вглубь тоннеля. Там, откуда они пришли, в круге дневного света над люком, началось движение. Фигура Хронолита заслонила небо. Стеклообразная кожа создания отражала искаженный пейзаж руин. Медленно, с грацией обрушивающейся горы, существо начало опускаться в провал коллектора. Оно не нуждалось в лестницах. Оно просто падало, игнорируя законы массы, потому что само являлось законом остановившегося времени.

— Время пошло, инженер, — Северов передернул затвор, выбрасывая гильзу. Она упала на бетон и рассыпалась в рыжий порошок. — Твоя карта криохранилищ. Где ближайший терминал доступа?

Егор достал из внутреннего кармана свинцовую пластину. Достал химический карандаш. Стержень карандаша крошился при соприкосновении со свинцом, оставляя четкий след. — Юго-восточный сектор. Прямо под нами должна быть станция «Проспект Героев». Узел связи метрополитена. Там автономное питание. Оттуда я запущу сканирование шахт. Нам нужно спуститься на уровень минус шесть. Там холоднее. Органы хранятся дольше.

— Минус шесть — протянул Ланской, сверяясь со своей схемой, начерченной углем на другой пластине. — Чтобы попасть туда, нам придется пройти через пересадочный зал. Центральный зал станции «Держпром». Открытое пространство. Высота потолков двадцать метров. И он забит Спороцветами под потолок. Я знаю эту ветку.

— Других путей нет, — отрезал Егор. — Либо мы идем через цветы, либо эта стеклянная дрянь выпьет нас здесь, в коридоре. Выбирай, майор.

Северов посмотрел наверх. Хронолит заполнил собой весь проем люка. Абсолютная тишина начала сочиться сверху, капая с потолка замерзшими лужицами вакуума. Температура в тоннеле упала на десять градусов за пару вдохов.

— Огнеметы к бою, — скомандовал майор, принимая решение. — Пойдем красиво. Если уж подыхать, то пусть эти деревянные статуи сгорят первыми. Следующая остановка — Проспект Героев. Двинули.

Северов махнул рукой, указывая направление в глубь темного, пахнущего плесенью и озоном нутра Харьковской подземки. Группа, пригибаясь, двинулась вперед, навстречу темноте, где в ожидании тепла билось металлическое сердце заброшенного города.

Глава 1. Сухой узел

Белое пылевое поле бывшей Сумщины простиралось до самого горизонта, сливаясь там с таким же белесым, лишенным солнца небом. В две тысячи девяносто шестом году здесь не осталось ничего живого — ни травы, ни птиц, ни даже мутировавшего кустарника. Только мелкодисперсная пыль из перемолотого бетона, битого стекла и истлевшей органики, которая при малейшем ветре поднималась в воздух плотными, едкими клубами.

Егор Ростов шел впереди каравана. Его тяжелые ботинки со свинцовыми вставками беззвучно тонули в этом пепле, оставляя за собой цепочку глубоких следов, которые уже через минуту начинали осыпаться сами в себя. Время здесь было густым, как кисель, оно сопротивлялось каждому движению, высасывая силы быстрее, чем наверху.

В правой руке инженер сжимал тяжелый свинцовый лот на тонкой стальной струне. Прimitивный прибор, но самый надежный в Ослипи. Егор бросил его перед собой. Лот полетел вниз, пробивая слой пыли, и натянул струну. — Густо, — хрипло произнес Егор в микрофон шлема. — Плотность времени один и два. Идем по краю гравитационной линзы. Если шагнуть левее на три метра, подошвы оторвет вместе с костями.

Караван состоял из двенадцати человек. Позади тяжело дышали «Тяжи» Северова — закованные в бронзу и потертую кожу мужики с обмороженными лицами. Среди них затесались двое наемников в легких комбезах частной военной компании — их выдавала слишком чистая экипировка и нервные взгляды по сторонам. Замыкал процессию старшина Грицук. Он вел на коротком поводке черепаху в свинцовом контейнере. Рептилия давно сдохла от радиации, ее труп окаменел в позе вечного испуга, вытянув шею, но для Границы она все еще была лучшим детектором аномалий.

Впереди замаячили остовы пятиэтажек. Руины выглядели странно: они казались срезанными гигантским лазером под разными углами.

Это были Хронолиты — люди, застывшие во времени настолько давно, что их тела проросли сквозь стены зданий, став частью ландшафта. Черный матовый опал их кожи поглощал свет. Они стояли абсолютно неподвижно, слепые и глухие, похожие на жуткие памятники советскому брутализму.

— Стоять, — голос майора Северова в гарнитуре был лишен эмоций. — Баян, проверь вон ту тень у подъезда. Слишком ровная.

Старшина Грицук вышел вперед, держа перед собой контейнер с черепахой. Он сделал осторожный шаг, потом другой. Черепаха висела мертвым грузом. Но когда нога медика пересекла невидимую линию на асфальте, голова рептилии внезапно дернулась вверх. — Тепловой след, — доложил Баян. — Глубокий. Спит. Костяница. Прямо под нами, глубина метра четыре.

Северов подошел к инженеру. Майор выглядел хуже обычного — кожа на шее приобрела нездоровый серый оттенок, а глаза лихорадочно блестели. Боль от гниющего позвоночника глушила только химия, действие которой заканчивалось. — Сколько нам её перешагивать? — спросил майор, глядя на черную тень на стене дома. Тень медленно пульсировала, хотя солнце стояло в зените.

Егор смотал лот. — Она занимает весь перекресток. Обходить — крюк в пять километров. У нас нет этих литров хроно-спирта в крови. Придется будить.

Северов кивнул. Он обернулся к строю. — Наемники. Ко мне. Двое бойцов в чистых комбезах переглянулись. Один из них инстинктивно положил руку на цевье автомата. — Задача простая, — продолжил майор, расстегивая клапан подсумка. — Вы отдаете монстру свой последний выдох. Взамен я плачу вам аванс. По возвращении получите остальное. Если вернетесь.

Наемник постарше сплюнул. — Мы так не договаривались, майор. Контракт подразумевает проводку, а не использование нас как приманки.

Северов не изменился в лице. Движение было смазанным от скорости действия нейроускорителей. Короткий ствол его пистолета калибра 7.62 поднялся ровно на уровень колена старшего наемника. Грохот выстрела в сухом воздухе прозвучал как удар кувалды по листовому железу.

Пуля вошла точно в коленную чашечку. Кость хрустнула, брызнув осколками пластика брони. Наемник рухнул в пыль, оглашая эфир булькающим воплем. Система фильтрации шлема мгновенно окрасила внутреннюю линзу красным, анализируя болевой шок владельца. — Теперь контракт расторгнут, — спокойно сказал Северов, пряча оружие. — Ты мне больше ничего не должен. А ты, — он посмотрел на второго бойца, который побледнел так, что веснушки на носу стали черными, — сейчас снимешь с него маску и дыхнешь этой каменной суке в лицо. Живо.

Второй наемник замер на секунду, глядя то на корчащегося товарища, то на спокойное лицо майора. Инстинкт самосохранения победил. Он упал на колени рядом с раненым, сорвал с него герметичный респиратор и наклонился к лицу.

Холод наступил мгновенно. Температура воздуха вокруг группы упала градусов на сорок. Из рта наемника вырвался густой столб пара, который не рассеивался, а собирался в тугий комок прямо над головой лежащего. Костяница почувствовала тепло.

Черная тень на стене здания перестала быть плоской. Она начала втягиваться внутрь самой себя, уплотняясь, собираясь из двумерного рисунка в трехмерную массу. Раздался звук, похожий на треск ломающегося ледника — это монолитный асфальт расходился под давлением поднимающегося тела.

Костяница восстала из-под земли. Она не имела четких черт лица. Там, где должна была быть голова, находился лишь гладкий купол черного опала, внутри которого иногда вспыхивали белые искры статического электричества. Вместо грудной клетки зияла дыра, окруженная рядами черных ребер, торчащих наружу, как прутья старой корзины. Монстр был огромен — метров пять в высоту. Он поднял руки-коромысла, состоящие из переплетенных костей бывших жителей этого района.

Раненый наемник захрипел. Воздух вокруг него стремительно терял кинетическую энергию. Пыль, поднятая выстрелом, зависла в воздухе идеальной сферой, а затем посыпалась вниз уже не серой пудрой, а мелкой алмазной крошкой. Кровь из простреленного колена замерзла прямо в ране, превращаясь в острые черные иглы. Сам человек начал покрываться слоем инея изнутри — конденсат оседал на альвеолах легких, разрывая их своим расширением.

Костяница сделала вдох. Это не было движением мышц. Пространство вокруг головы монстра просто схлопнулось, устремляясь в черную дыру его грудины. Поток ледяного вакуума ударил наемнику в лицо. Кожа, мясо и глазные яблоки превратились в стеклянную пыль за долю секунды. Остался только скелет, облаченный в бронежилет, который с тихим звоном осыпался на дорогу.

Монстр насытился. Грудная клетка-ловушка медленно раскрылась, подобно бутону сухой лилии. Внутри, среди пульсирующих стенок из черного опала, зажглось ядро — сфера концентрированного тепла размером с футбольный мяч. Оно горело мягким золотистым светом. Это была квинтэссенция украденных минут жизни.

— Бей! — рявкнул Северов.

Егор действовал на рефлексах. Он отстегнул от пояса цилиндрический контейнер. Не гранату. Ампулу «медового стазиса». Самый дорогой реагент в Зоне. Смесь мумифицированной крови Углежогов и янтарной кислоты. Инженер швырнул ампулу точно в центр раскрытой грудной клетки Костяницы.

Стекло разбилось о край ребра. Вязкая желтая масса выплеснулась наружу и тут же вступила в реакцию с воздухом Осипи. Для существа, сотканного из умирающего времени, консервант стал кислотой. Золотистое ядро вспыхнуло болезненным ультрафиолетом. Ребра монстра выгнулись дугой. Костяница издала беззвучный вопль — частота вибрации пространства резко сменилась, переходя из инфразвука в режущий ультразвук.

Воздух взорвался. Локальная буря времени накрыла караван. Это не был ветер. Это был шквал распадающейся материи. Песок под ногами взметнулся вертикально вверх, образовав колонну высотой в десятиэтажный дом. Один из «Тяжей», не успевший закрыть забрало вовремя, вскрикнул — порыв ветра содрал с его щеки лоскут кожи вместе с мясом, обнажив желтоватую кость скулы.

Громов открыл огонь из пулемета, но пули вязли в замедленном времени, пролетая сквозь тело Костяницы, как сквозь воду, не причиняя вреда.

— Огонь на поражение бесполезен! — проорал Северов, прикрывая Леся своим телом. Девушка стояла на коленях, зажимая шлем руками — ее импланты сходили с ума от такого резонанса. — Цельтесь в основание! Ломайте ноги!

Бойцы поняли приказ правильно. Перестав стрелять в корпус, они перевели огонь на суставы. Гидравлические приводы экзоскелетов позволяли тяжелым пулям перебивать костяные опоры. Правая нога Костяницы переломилась с грохотом обрушивающейся многоэтажки. Монстр потерял равновесие, заваливаясь назад, прямо на руины магазина «Мебель».

— Отходим! Маршрут чист! — Северов схватил Лесю за шкирку, буквально волоча её за собой в облако белой пыли. — Инженер, веди! Куда дальше?

Егор стер с визора желтую слизь бури. Маятник в его руке бешено вращался, нить звенела от напряжения. Гравитация возвращалась в норму, но теперь всё вокруг стало невесомым. Крупицы бетона падали очень медленно, словно снежинки в сиропе. — Там! — Егор указал на пролом в подвале жилого дома. — Старая насосная станция! Под землей нитей меньше!

Группа ринулась к спасительному провалу. Бойцы прыгали вниз, скользя по слою слежавшейся пыли на дне. Егор спустился последним. Как только его ноги коснулись бетонного пола подземелья, мир наверху окончательно сошел с ума.

Остаточная энергия убитой Костяницы спровоцировала локальный Гон. Белая стена хронотурбулентности прошла прямо над входом в подвал. Те куски асфальта, что еще секунду назад висели в воздухе, разом рухнули вниз, погребая под собой улицу многометровым слоем щебня.

Внизу пахло сыростью, озоном и старым машинным маслом. Свет фонарей выхватывал из темноты ряды ржавых труб, покрытых толстым слоем изоляции. Здесь время текло почти нормально. Давление на мозг ослабло, позволяя сделать полноценный вдох.

Северов отпустил Лесю. Девушка сползла по стене, тяжело дыша. Ее зрачки были разного размера. — Живучая, — прохрипел майор, осматривая свою раненую ногу. Кровь уже запеклась черной коркой. — Егерь, аптечку. И дай карту. Посмотрим, куда этот твой маятник нас завел.

Егор присел на перевернутый ящик, доставая свинцовую пластину. Достал химический карандаш. Стержень карандаша крошился при соприкосновении со свинцом, оставляя жирный графитовый след. — Мы южнее расчетной точки, — сказал он, сверяясь с сеткой координат. — Метров на четыреста. Но коллектор ведет прямо к Главному распределительному узлу. Больница номер семнадцать. За ней начинается зона старых ЛЭП. Там пройдем сухими.

— Больница... — задумчиво протянул Северов. — Хорошее место для засады. Значит, пойдем красиво. Ланскому скажи, чтобы готовил свои акты добровольного захоронения. Нам нужно пройти бюрократию пустоты, прежде чем мы встретимся с Плотником лицом к лицу.

Майор криво усмехнулся, вкалывая себе в бедро дозу обезболивающего из армейской аптечки. Экстракт угольного жара начал действовать — кожа под комбинезоном пошла тем-

ными пятнами, впитывая радиационный фон помещения. Гниющий позвоночник Северова требовал постоянной подпитки; без этого наркотика он бы уже давно не смог держать автомат.

— Ланская, очнись, — рыкнул майор, пнув ботинком бетонный пол рядом с девушкой. Звук получился сухим, надтреснутым. — Хватит изображать припадочную. Нам еще через Плотника идти.

Леся медленно подняла голову. Зрачки начали выравниваться, возвращаясь к нормальному размеру, но белки глаз оставались красными от полопавшихся капилляров. Она стерла перчаткой испарину со лба, размазывая по коже белую пыль. — Он... ушел глубже, — прохрипела она, массируя шейные импланты. — Я перекрыла подачу в четвертой ветке. Можно идти. Только осторожно. Нити внизу теперь воют. Я слышу их зубы.

Северов тяжело поднялся на ноги. Гидравлический протез Громова тихо щелкнул фиксаторами, принимая вес хозяина. Майор посмотрел на Егора, который все еще сверялся со свинцовой картой. — Больница? — переспросил Северов. — Хорошее место для засады. Значит, пойдем красиво. Ланскому скажи, чтобы готовил свои акты добровольного захоронения. Нам нужно пройти бюрократию пустоты, прежде чем мы встретимся с Плотником лицом к лицу.

Главный распределительный узел встретил их запахом озона, жженой резины и сладковатой гнили прелых яблок — классическим букетом Ослипи, въедавшимся в фильтры респираторов намертво.

Здание бывшей областной больницы номер семнадцать выглядело как органическая опухоль на теле города. Советский брутализм бетонных коробок здесь мутировал: стены вздулись пузырями неведомой плоти, а панорамные окна первого этажа заросли мутным хитином, пульсирующим в такт неслышимому ритму. Северов вскинул кулак, останавливая группу за углом трансформаторной будки.

— Ланская, резонанс, — бросил майор, не оборачиваясь.

Девушка вышла вперед. Она сняла тяжелый свинцовый капюшон химзы. Для обычного человека смотреть на Осипь было все равно что глядеть на сварку — глаза вытекали от переизбытка информации. Для Леси Зона была симфонией боли. Она закрыла глаза. Имплантаты приняли удар белого шума пустоты на себя. — Ржавые нити под асфальтом, — тихо произнесла она. — Корневая система идет прямо под нами. Плотность высокая. Если шагнуть левой ногой вон на ту плитку... вибрация пойдет по костям напрямую в слуховой нерв. Оглушем навсегда или вышибем себе мозги о стену, чтобы прекратить скрежет.

Северов сплюнул вязкую слюну на бетон. — Инженер, обход? Егор убрал свинцовую карту. Достал маятник. Камень качнулся раз, другой. На третьем качке нить провисла идеально вертикально. — Там зона нулевой гравитации старости, — констатировал инженер. — Состав ритм подошвы до трухи. Идем правее. Через клумбы. Земля там мертвая, нитей нет.

— Принято. Двигаемся «Кишкой». Баян — замыкающий. Грицук, следи за небом. Ланской, твои бумажки подождут.

Внутренний периметр узла они прошли без единого выстрела, но ценой сожженных нервных клеток. Пришлось перебираться через провалившийся лестничный пролет, цепляясь за арматуру, торчащую из бетона, превратившегося в губку. Каждый металлолом отзывался фантомной болью в зубах — Эхо-кровь, проросшая сквозь перекрытия, реагировала на вес людей низким гулом перегруженных трансформаторов.

Вестибюль больницы напоминал пещеру кристаллического гиганта. С потолка свисали сталактиты из черного опала — окаменевшие Хронолиты первой волны. Они были мертвы, превращены в статуи еще десятилетие назад, когда плотность времени здесь только начинала зашкаливать. Но Северов знал: достаточно одного громкого звука, и эта мнимая смерть сбросит оковы стазиса.

Группа рассредоточилась вдоль стен, укрываясь за поваленными гипсовыми статуями горнистов и дискоболов. Впереди, у стойки регистратуры, возвышалась фигура Плотника.

Аномалия водоканала приняла здесь самую жуткую форму. Из лопнувших труб отопления хлестал кипяток, но он застывал в воздухе причудливыми арками матового льда, образуя над стойкой подобие алтаря.

Сам Плотник не имел четких очертаний. Это была рябь на поверхности огромной лужи черной воды, собравшейся в подвале. Казалось, сама тьма встала на дыбы, обретя подобие воли. У него не было глаз, вместо лица клубился нефтяной туман, в котором периодически вспыхивали два холодных белесых пятна.

— Стоять, — прошипел в гарнитуру Северов. — Не дергаться. Он чувствует кинетику.

Плотник повернул свою бесформенную голову. Пятна-глаза зафиксировались на Егоре. Монстр ненавидел живых существ не идеологически — для него люди были просто мусором, засоряющим его идеальные потоки энтропии.

Из лужи медленно поднялась колонна воды. Она уплотнилась, принимая форму человеческой руки, состоящей из сотен движущихся капель. Рука указала на контейнер Егора.

«Отдай время», — прозвучало не в ушах, а где-то в центре черепа. Голос Плотника был гидравлическим ударом ржавой задвижки.

Егор почувствовал, как леденеет затылок. Давление внутри скафандра начало падать. Влага из воздуха конденсировалась прямо в легких острой ледяной крошкой. Маятник в его кармане внезапно стал невыносимо тяжелым, натянув струну до звона. Время вокруг инженера замедлилось настолько, что падение сорвавшейся с потолка капли штукатурки растянулось на мучительные полминуты.

— Контракт закрыт, Старьевщик, — просипел Северов, делая шаг вперед. Он держал автомат стволом вниз, демонстрируя отсутствие агрессии, но пальцы лежали на спусковой скобе. — Мы принесли тебе смазку. Биоматериал. Открой проход к архивам насосной станции.

Плотник проигнорировал майора. Его водяная длань метнулась к Егору со скоростью броска гадюки. Воздух позади колонны превратился в вакуум; инженеру показалось, что ему сломали позвоночник невидимым прессом. Ребра затрещали.

Именно в этот момент Леся закричала.

Это не был крик ужаса. Это был чистый, модулированный звук высокой частоты. Ее имплантаты, перенасытившись белым шумом, вошли в состояние резонанса с аномалией. Леся выбросила руку вперед, и ее ладонь окуталась бледно-сиреневым свечением.

Удар звуковой волны пришелся точно в центр водяной фигуры. Молекулы мгновенно потеряли сцепление. Рука Плотника взорвалась мириадами брызг, которые так и не упали на пол, зависнув в воздухе красной взвесью.

Плотник издал беззвучный вопль. Вся масса черной воды в луже пошла концентрическими кругами, выдавливая воздух. Стены вестибюля задрожали. С потолка посыпались настоящие куски бетона, разбиваясь о защитные стекла шлемов.

— Ты мне нужен живым! — рявкнул Северов, хватая Леся за плечо и швыряя за массивную мраморную колонну. — Уголь, прикрой инженера!

Сержант Громов уже работал. Его гидравлический протез выдвинулся на полную длину, превращая левую руку в чудовищный молот. Он не стрелял — выстрел вызвал бы вибрацию, которая убила бы всех присутствующих вблизи Ржавых нитей. Вместо этого сержант схватил валявшуюся рядом гипсовую ногу дискобола и с размаху опустил ее на стеклянный резервуар с дистиллированной водой, стоявший возле стойки.

Стекло треснуло. Чистая вода хлынула на пол. Для Плотника пресная вода была ядом. Она разбавляла его концентрацию, лишала массы. Черная туча у стойки забурилась, отступая в систему канализации. Пол под ногами пошел ходуном — насосы старой больницы пытались откачать чужеродную сущность обратно в трубы.

— Все целы? — Северов выглянул из-за колонны. Белесые пятна-глаза исчезли. Плотник ушел глубже в коммуникации, оставив после себя лишь запах хлорки и раскаленного металла. — Леся, откат?

Девушка тяжело привалилась спиной к барельефу пионера с горном. Ее зрачки дрожали. — Уш-ш-шел... — выдохнула она. — Перекрыл подачу в четвертой ветке. Можно идти. Только... осторожно. Нити внизу теперь воют. Я слышу их зубы.

Они двинулись дальше, спустившись по служебной лестнице в полуподвал. Здесь царила канцелярская вечность. Лампы дневного света под потолком едва мерцали, питаясь от остаточного заряда конденсаторов. Пахло пылью, мышами и озоном.

За перевернутым столом ресепшена сидел человек. Вернее, то, что от него осталось. Кожа на лице ссохлась, плотно облепив кости, но комбинезон техника ЖКХ был чистым, даже отглаженным. Капитан Ланской включил нагрудный фонарь, луч света выхватил из полумрака фигуру местного обитателя.

— Служба эксплуатации хроноузлов, — монотонно произнес техник, не поднимая головы. Перед ним на столе лежал лист свинца. Рядом покоилась цинковая печатка. — Предъявите допуск сектора «А».

Капитан Ланской вздохнул. Худой, дерганый человек с нервным тиком подошел к столу. Он достал из планшета стопку таких же свинцовых пластин и тяжелую печать. — Группа сопровождения сводного корпуса «Буфер», — скучающим голосом начал читать Ланской. — Цель проникновения: изъятие материальных ценностей согласно накладной сорок-четыре-бис. Подписываем акты погружения. Кто первый?

Техник поднял слепое лицо. На месте глаз бугрилась розовая, влажная кожа — последствия касательного взрыва хроногранаты. — Без подписи старшего дежурного архива вход в секцию «Топливо» запрещен, — проскрежетал техник. — Регламент тысяча пятьдесят четвертого года. Параграф восемь.

Северов вышел из тени. Он подошел к стойке вплотную, нависая над техником. От майора пахло озоном, кровью и едким потом. — Слушай меня, кусок пергамента, — голос майора звучал обманчиво спокойно. — Мне плевать на твой регламент. Мне нужны карты нижних уровней. Координаты магистральных цистерн. Где склад ГСМ бывшего МЧС?

— Информация стоит дорого, — прошелестел техник. — Оплата принимается временем. Или эквивалентом.

Майор молча вытащил нож. Резким, профессиональным движением он перехватил ручку ножа обратным хватом и с силой обрушил приклад тяжелой рукоятки на коленную чашечку техника. Раздался сухой хруст ломающейся кости. Техник не закричал — лишь его голова безвольно мотнулась вбок, а рука судорожно заскребла свинцовым карандашом по пластине, выписывая неразборчивые каракули.

— Вот моя подпись, — оскалился Северов, приставляя лезвие к горлу раненого. — Теперь говори код доступа к серверной. Иначе следующий удар придется в печень. Твоя клеточная память сгниет быстрее, чем ты успеешь позвать Плотника.

Глаза техника закатились. Из уголка рта потянулась ниточка слюны вперемешку с графитовой крошкой. — Нижний уровень... минус четыре... лифт за моргом... карта... в голове регистратора...

— Где сам регистратор? — спросил Егор, подходя ближе. Ему был нужен доступ к терминалам, а не к полусумасшедшему местному.

— Второй этаж... палата интенсивной терапии... он подключен... к системе охлаждения... — всхлипнул техник. — Не убивайте... я открою шлюз...

Он неуклюже, одной рукой, дотянулся до большой красной кнопки под столешницей. Раздался утробный гул сервоприводов. Массивная бронедверь в конце коридора начала медленно отъезжать в паз, обнажая темноту, пропитанную запахом формалина и озона.

— Молодец, — кивнул Северов. Он нажал кнопку на рации. — Баян. Приступай.

Старшина-медик понимающе кивнул. Он подошел к технику со спины. Профессиональное движение — один точный удар ребром ладони чуть ниже затылочной впадины. Шейные позвонки хрустнули. Техник ткнулся лицом в стол, заливая свинцовую пластину густой темной кровью.

— Экономия ресурсов, — пояснил Грицук, вытирая руку о штаны. — Зачем кормить лишний рот? Топлива на базе мало.

Северов перешагнул через труп, направляясь к открывшемуся проходу. — Инженер, веди. Морг, говоришь? Люблю запах мертвых врачей по утрам. Особенно если у них в черепе есть нужные нам файлы.

Тяжелая дверь шлюза захлопнулась за их спинами, отрезая путь назад. Группа углубилась в недра Главного распределительного узла, навстречу нарастающему низкому гулу, от которого вибрировали даже свинцовые вставки в подошвах ботинок.

Глава 2. Бюрократия пустоты

Капитан Ланской шумно выдохнул, с силой впечатывая цинковую печатку в мягкий свинец пластины. Металл поддался неохотно, издав протяжный, глухой стон деформируемой кристаллической решетки. На серой поверхности остался оттиск двуглавого орла, держащего в когтистых лапах не державу и скипетр, а скрещенные свинцовый лот и дозиметр.

— Акт о добровольном погружении в зону хронополя повышенной плотности... параграф четыре-бис... ознакомлен с риском молекулярного распада без права выплаты компенсации наследникам... — монотонно бубнил Ланской, водя химическим карандашом по строкам. Его голос звучал механически, диссонируя с недавним грохотом обрушившихся перекрытий там, наверху, где они оставили Плотника. — Подписываем все. Кровью прошу не пачкать, у нас бюджет только на графитовые стержни. Северов, твоя очередь. И скажи Углю, чтобы перестал разбирать мой калькулятор, он мне еще нужен для ведомостей.

Сержант Громов недовольно фыркнул, возвращая капитану его приборную панель, из которой уже успел выкрутить пару медных катушек «на память».

Майор Северов подошел к импровизированному столу последними. Он тяжело оперся кулаком о стопку пластин. Гидравлические приводы в его левой ноге зашипели, сбрасывая давление. Рана на бедре, полученная от Костяницы час назад, затягивалась плохо — плоть вокруг почернела, превратившись в глянцевую древесину, пропитанную хроносмоляным ядом.

— Сколько? — коротко бросил майор, глядя куда-то сквозь капитана Ланского.

— Двадцать процентов от чистой массы груза, — мгновенно отозвался связист, не поднимая глаз от бумаг. — Стандартная такса Корпуса за проводку через узел первого эшелона. Плюс страховка оборудования. Если вас там расплещет на атомы, министерство обороны хотя бы оплатит стоимость ваших жетонов как металлолом.

Егор Ростов стоял чуть в стороне, прислонив плечо к стене. Бетон здесь был влажным и теплым, пульсирующим странной жизнью. Инженер смотрел на свои руки. Кожа на костяшках пальцев истончилась до состояния пергамента, сквозь который просвечивали синеватые нити вен. Лучевая болезнь прогрессировала быстрее, чем он рассчитывал. Каждая секунда внутри Ослипи вытягивала из него жизнь, но выхода не было. Нужные органы лежали где-то внизу, в криохранилищах метрополитена, если их еще не сожрала местная флора.

— У меня нет двадцати процентов, — ровным голосом ответил Северов. — У меня есть топливо. Хроно-спирт. Слитки антрацита. Информация.

Ланская наконец поднял голову. Это был худой, дерганный человек с нервным тиком, заставляющим его левый глаз постоянно шуриться. В этом взгляде читалась вся скорбь канцелярской службы, запертой на краю Апокалипсиса. — Майор, мы оба знаем правила. Топливо вы сольете сами на насосной станции, когда доберетесь. Антрацит фонит так, что мои детекторы плачет кровавыми слезами, им нельзя платить. А информация... информации сейчас пользы нет. Мне нужна конкретика. Где склад?

Северов медленно расстегнул магнитную застежку кобуры. Движение было плавным, тягучим, лишенным суеты. Звук выходящего из пазов металла прозвучал в гулком подвале как щелчок взводимого курка. — Склад ГСМ при Областной больнице. Три тысячи литров чистого хроно-спирта. Залиты в герметичные цистерны класса «А», законсервированы перед ударом. Координаты точные. Но код доступа биометрический. Прежний комендант узла умер лет десять назад, вместе со своей сетчаткой.

— Биометрия — это проблема инженерного толка, — встрял Егор, отталкиваясь от стены. — Я могу вскрыть замок. Перепать контроллер считывателя на прямое питание. Но мне нужно знать: зачем Корпусу столько спирта? Вы же удерживаете периметр снаружи. Зачем вам лезть внутрь ради горючего, которое разъедает прокладки двигателей за два часа работы?

Вместо ответа Северов сделал шаг вперед. Он навис над столом Ланского, заслоняя тусклый свет переносной лампы. Тень майора легла на свинцовые акты, превращая аккуратные строчки в бессмысленные каракули. — Вопросы задаю я, инженер. Ты забыл свое место. Мы тебя выгнали из петли Контрабандистов не для того, чтобы ты аудит моей бухгалтерии проводил. Нам нужен проход к распределительному узлу водоканала. Там старая серверная. Железо выдержало удар, корпуса экранированы свинцом. Там лежат карты подземных коммуникаций. Настоящие карты, времен постройки, а не та труха, которую продают Стеклодувы. Без них твой сканер шахт будет показывать тебе собственные кишки вместо тоннелей метро.

Леся Кречетова, стоявшая у пролома в соседнюю комнату, резко повернулась. Ее импланты вспыхнули тревожным фиолетовым светом на затылке. — Северов, стой, — тихо сказала она. — Не дави на него. Капитан прав. Время уходит. Зона расширяется. Пока мы торгуемся, граница сместилась еще на пятьдесят метров. Мой чип фиксирует падение частоты резонанса. Нити внизу меняют положение каждую минуту.

Майор медленно перевел тяжелый взгляд на девушку. В глубине его зрачков плескалось безумие человека, слишком долго смотревшего в бездну без фильтров. — Девка дело говорит, капитан, — неожиданно усмехнулся Северов, обнажая желтые, прокуренные зубы. — Время — деньги. А денег у нас нет. Значит, будем платить временем. Или патронами. Выбор за тобой.

Он выпрямился и развернулся к выходу из кабинета регистратуры, махнув рукой Грому: — Пошли. Осмотрим коридор. Узнаем, кто тут кроме бумажных крыс обитает.

Как только тяжелая дверь захлопнулась за ними, отсекая кабинет от основного холла, атмосфера изменилась. Исчезла даже видимость порядка. Ланская обмяк, словно из него вынули стальной стержень, и дрожащей рукой потянулся к фляге на поясе. Внутри булькала мутная жидкость собственного производства.

— Псих, — прошипел капитан, делая большой глоток. — Натуральный контуженный псих. Кодекс устава Внутренней Службы для него просто туалетная бумага. — Зато он живой псих, — философски заметил старшина Грицук, поглаживая свой свинцовый контейнер. Мертвая черепаха внутри никак не отреагировала, оставаясь застывшим куском органики. — Был бы мертвым, нам бы пришлось самим искать этот ваш спирт. А так хоть конвой есть.

Баян сплюнул на пол тягучую коричневую слюну — побочный эффект приема местного энергетика из спор местной плесени. — Я этих «Тяжей» знаю. Они думают, что броня делает их бессмертными. Сейчас пойдет напролом, наступит на Эхо-кровь, и будем мы его слушать через вибраторы в зубах, пока кости не рассыпятся.

Егор молча прошел мимо них. Он подошел к двери и прижался к ней ухом, предварительно сняв шлем. Внешние микрофоны костюма транслировали звуки холла. Шаги Севера стихли, зато появилось другое — низкое, утробное гудение труб. Оно шло не извне, а откуда-то снизу, из-под фундамента здания.

Имплант Егора уловил изменение температуры. Воздух стал стремительно холодеть. — Тихо, — прошипел он, натягивая шлем обратно. — Замолчите все. Слышите?

Гул нарастал. Теперь это был не звук текущей воды. Это был звук *давления*. Миллиарды тонн жидкости, запертой в ржавых артериях советской инфраструктуры, пытались двигаться вопреки законам физики. Вода текла вверх, пробивая перекрытия.

Дверь в коридор с лязгом распахнулась. На пороге возник Северов. Лицо его было бледным, забрало шлема заляпано какой-то черной слизью. За его спиной сержант Громов пятился задом, поводя стволом пулемета по потолку. — Проблемы, майор? — лениво поинтересовался Ланской, пряча флягу. — Местные жители недовольны визитом?

— Заткнулись все, — рявкнул Северов, перешагивая порог. — Блокируем вход. Ждем гостей. Похоже, наш визит вежливости разбудил хозяина этой богадельни.

Они едва успели занять позиции за перевернутыми кушетками приемного покоя, как началось. Свет аварийных ламп мигнул и сменился с мертвенно-синего на багровый. Пространство дрогнуло. Пол под ногами пошел волнами, словно превратился в густой кисель.

Из вентиляционной шахты под потолком хлынула вода. Но она не падала вниз дождем. Она собиралась в центре зала, уплотняясь, вращаясь против часовой стрелки, формируя идеальную воронку высотой в человеческий рост.

Плотник вернулся. И на этот раз он не собирался вести переговоры.

Водяной столб внезапно замер. Лопнул, разбрызгивая ледяные иглы во все стороны. Из центра аномалии выступила фигура. Она была гуманоидной, но состояла из черного опала и прессованного времени. Хронолит. Старый, очень старый. Его кожа напоминала матовое стекло, сквозь которое проступал рельеф костей. Глаз не было — лицо представляло собой абсолютно гладкую, слепую поверхность.

Монстр сделал шаг. Цокольный этаж больницы содрогнулся. Там, где ступала нога создания, плитка пола покрывалась инеем мгновенного старения. Резина подошв тяжелых ботинок бойцов начала трескаться и осыпаться прахом прямо на ходу.

— Огонь по готовности! — проорал Северов, вжимаясь в укрытие. — Бейте по суставам! Только короткими! Не давайте вибрации уйти в стены!

Автоматные очереди разорвали тишину. Пули калибра 7.62 врезались в грудь Хронолита. Вместо искр или крови пространство прорезали вспышки абсолютного холода. Воздух густел, превращаясь в непрозрачный туман из микроскопических кристаллов льда.

Хронолит открыл рот. Обычного разреза плоти не было — нижняя челюсть просто отвалилась вниз, обнажая черную пустоту гортани. И он вдохнул.

Это не был звук. Это было полное отсутствие звука. Белый шум пустоты, давивший на уши секунду назад, исчез так резко, что барабанные перепонки болезненно выгнулись наружу. Температура упала еще градусов на двадцать. Дыхание превратилось в острые ножи в легких.

— Назад! — закричал Егор, хватая Лесю за ремень разгрузки и швыряя ее в сторону лестницы на первый этаж. — Он высасывает кинетику! Бегом! Кто остановится — замерзнет изнутри!

Группа рванула через завалы старой мебели. Хронолит двинулся следом. Его движения были рваными, дискретными. Вот он стоит — вот он уже в пяти метрах впереди, пройдя сквозь массивный сейф регистратуры, даже не заметив препятствия. Сейф за его спиной покрылся слоем изморози толщиной в палец и рассыпался в рыжую пыль.

— Левицкий, шесть часов! — крикнул Громов, давая длинную очередь по направлению фланга.

Из-за стойки выпрыгнула вторая тварь. Этот Хронолит был меньше, подвижнее. Когда-то он носил белый халат врача. Остатки ткани болтались на стеклянном теле лохмотьями. В одной руке-сучье он сжимал хирургическую пилу, проросшую прямо сквозь ладонь.

Леся взвизгнула, поскользнувшись на луже машинного масла. Она упала на колени, зажимая шлем руками. Импланты сходили с ума от такого давления вакуума. Для нее мир превратился в оглушительный звон лопающихся капилляров.

Егор понял, что не успевает. До спасительного поворота в коридор оставалось пять метров. Врач-Хронолит сокращал дистанцию прыжками, игнорируя плотность материи.

Инженер сорвал с пояса цилиндр «медового стазиса». Самый дорогой наркотик и самый эффективный консервант в зоне. Смесь янтарной кислоты, мумифицированной крови углежогов и концентрированного страха.

Не думая, Егор зубами вырвал чеку предохранителя. Ампула полетела под ноги врачу. Тонкое стекло разбилось о бетон. Реакция последовала мгновенно. Медовый стазис вступил в резонанс с клеточной памятью пространства. Черная кожа врача пошла пузырями, впитывая концентрат. Монстр замер на полушаге. Его рука с пилой судорожно дернулась, выворачива-

ясь в суставе под невозможным углом. Хронолит издал беззвучный вопль боли — вещество консервировало его заживо, останавливая процесс распада, причиняя невыносимые страдания существу, состоящему из умирающего времени.

Этого хватило. Северов, пропустивший группу вперед, оказался лицом к лицу с большим Хронолитом. Майор отбросил пустой автомат — магазин опустел, а оружие начало покрываться коркой льда, примерзая к перчаткам.

В руках майора блеснул широкий клинок десантного ножа. Северов не пытался рубить стекло — он знал физику лучше. Он нырнул под замах слепой твари, вбивая лезвие точно в коленный сустав, туда, где соединялись две разные фазы временной плотности. Раздался хруст, похожий на ломающийся гранит. Хронолит начал заваливаться набок, теряя структурную целостность.

— Вниз! Все вниз! — прохрипел Северов, отступая к лестнице. Из бедра майора хлестала кровь вперемешку с черной пылью — рана от прошлой стычки открылась от перенапряжения.

Группа кубарем скатилась по ступеням в подземный переход, ведущий к хозяйственным блокам. Позади, наверху, рушились перекрытия — раненый Хронолит своим падением спровоцировал локальный выброс гравитационной аномалии.

Подземный уровень встретил их сыростью и запахом озона такой концентрации, что воздух искрил синим. Здесь царил настоящая темнота, разгоняемая лишь фосфоресцирующим мхом да линзами шлемов.

— Привал три минуты, — скомандовал Северов, съезжая по мокрым перилам последним. Он тяжело привалился к стене, срывая с ремня аптечку. — Грицук. Промедол. И лейкопластырем примотай мне ногу, чтоб штаны не соскользнули от кровопотери.

Старшина-медик уже возился с Лесей. Девушка сидела на корточках, мотая головой. Ее имплантаты дымились — буквально, из вентиляционных решеток на затылке шел сизый дым сгоревших схем. — Контузия резонанса, — диагностировал Баян, вводя шприц-тюбик в шейный порт девушки. — Микроинсульт ствола мозга. Еще минута в том вакууме, и мозговая косточка превратилась бы в фарфор.

Егор отошел вглубь тоннеля. Он достал планшет. Старая военная модель, защищенная экранами Фарадея, работала исправно. Карта подсветилась зеленым. Красная точка их группы мерцала в лабиринте канализации. — Серверная там, — он указал лучом фонаря в темноту. — Метров сто прямо, потом развилка. Нужно пройти через отстойники.

— Отстойники забиты Спороцветами, — подал голос Ланской, подсвечивая себе дорогу зажигалкой. — Огромные луковицы. Спят днем, но чувят тепло. Если дыхнуть глубже, чем позволяет фильтр... — Знаю, — оборвал его Северов. Майор поднялся, опираясь на протянутую руку Громова. Он выглядел скверно. Боль от гниющего позвоночника смешивалась с действием стимуляторов, создавая дикий коктейль в глазах — зрачки то сужались в точки, то заливали чернотой. — Поэтому пойдешь первым, капитан. Твоя бюрократическая тушка легкая, споры тебя не почувствуют. Будешь нашим миноискателем. Шевелись. Через три минуты эта больница окончательно сложится внутрь себя. Нас похоронит под тоннами бетона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.